
III. АСЕССОРЫ «МАЙОРСКИХ» КАНЦЕЛЯРИЙ, УЧРЕЖДЕННЫХ 9 ДЕКАБРЯ 1717 ГОДА

«И ПО ИМЯННОМУ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА УКАЗУ.. ОПРЕДЕЛЕН К СЛЕДСТВЕННЫМ ДЕЛАМ»: И. И. БАХМЕТЕВ

1721 года ноября 25 дня в городе Санкт-Петербурге император Петр Великий среди прочих государственных дел озаботился не вполне ординарным вопросом: что предпринять с останками бывшего сибирского губернатора князя М. П. Гагарина, осужденного за преступления против интересов службы и публично повешенного в Санкт-Петербурге 16 марта? И государь предписал не снимать тело с виселицы — для наглядной острастки взяточникам и казнокрадам*.

В тот же день в следственной канцелярии гвардии майора И. И. Дмитриева-Мамонова, осуществлявшей предварительное следствие по делу М. П. Гагарина, был зафиксирован переданный в устной форме именной указ о том, чтобы «князь Матвея Гагарина, с виселицы ис петли сняв и зделав железную чепь, подцепить на той же виселице, где

* Склонность Петра I запрещать в качестве дополнительной уголовно-правовой санкции погребать тела казненных проявилась еще во время «стрелецких казней» в 1698 году. Как известно, не были преданы земле и тела казненных по делу царевича Алексея Петровича. Впрочем, первый российский император отнюдь не явился новатором в применении подобной санкции. Как показал петербургский историк Е. В. Анисимов, традиция факультативного захоронения тел (или частей тел) осужденных протянулась с XVII века. Петр I стал применять эту устрашающую санкцию по отношению не только к лицам, осужденным за государственные преступления, но также и к лихоимцам и казнокрадам. Например, приговорив 24 февраля 1712 года к смертной казни изобличенного во взяточничестве коменданта города Луха Ф. А. Волкова, царь специально предписал «труп ево в землю не хоронить (но чтоб лежал поверх земли, видим всем)». Кроме того, как уже упоминалось, первый император начал изредка практиковать *посмертные* казни, когда «эксекция» осуществлялась в отношении уже умершего преступника.

он ныне был»⁵⁸². Исполнить указ Иван Дмитриев-Мамонов незамедлительно поручил гвардии капитан-поручику И. И. Бахметеву.

28 ноября Иван Бахметев доложил руководителю следственной канцелярии о выполнении государева поручения. Причем Иван Бахметев не ограничился перевешиванием останков князя Матвея Петровича на цепь, но и самостоятельно предпринял дополнительные меры по наилучшему их сохранению. Согласно доношению капитан-поручика «оного Гагарина тело с виселицы снято и повешено на железной чеши на поставленной на том же месте другой виселице. А оная [прежняя] по осмотру была зело гнила и худа, того ради я ее приказал срубить»⁵⁸³.

Кто же такой был гвардии капитан-поручик И. И. Бахметев? И почему выполнение столь деликатного государева указа оказалось поручено именно ему?

Иван Иванович Бахметев* принадлежал к незнатной дворянской фамилии, родоначальником которой считался татарский мурза Аслан-Бахмет (Аслам Бахмет), выехавший во второй трети XV века на службу к великому князю московскому Василию II Васильевичу и принявший православие под именем Иеремии⁵⁸⁴. На протяжении веков род Бахметевых изрядно разветвился. Достаточно сказать, что только в состав «царедворцев» в XVII веке входил 21 представитель рода⁵⁸⁵.

Исходя из поколенной росписи рода Бахметевых⁵⁸⁶, Ивана Ивановича следует полагать сыном стольника Ивана Ефремовича Бахметева, прошедшего на государевой службе более пятидесяти (!) лет. Успевший принять участие еще в подавлении восстания Степана Разина в 1670—1671 годах, И. Е. Бахметев командовал впоследствии иррегулярными формированиями калмыков и башкир в Крымских и Азовских походах, в начальных кампаниях Великой Северной войны и в Кубанском походе 1711 года. Затем он трудился на руководящих административных должностях в Поволжье и Башкирии: был саратовским комендантом (1713—1714), уфимским обер-комендантом (1714—1719) и, наконец, воеводой Уфимской провинции (1719—1722)⁵⁸⁷.

* В документах первой половины XVIII века фамилия «Бахметев» писалась также как «Бахметьев» и «Бахметов». Иван Иванович упоминался неизменно как «Бахметев», и именно так он расписывался.

Относительно времени рождения И. И. Бахметева существуют два взаимопротиворечивых документальных свидетельства. Согласно надгробной надписи, Иван Иванович родился в июне 1683 года⁵⁸⁸. В свою очередь, сам Иван Иванович указал в декабре 1754 года, что «от роду мне ныне семдесятый год»⁵⁸⁹ (то есть в этом случае годом его рождения следует полагать 1684-й).

Однако в каком бы году в точности ни родился И. И. Бахметев, о его детстве и юности почти ничего не известно. Удалось лишь установить, что в отличие от своих старших родственников Иван Иванович не сумел попасть в ряды «царедворцев», не получив даже низшего чина «жильца»⁵⁹⁰. Наряду с этим в ранние годы Иван Бахметев вполне овладел русской грамотой. Как явствует из многочисленных сохранившихся его автографов, он уверенно владел пером, писал четко, связно, несколько растягивая начертания букв.

Что касается частной жизни И. И. Бахметева, то в апреле 1724 года в Москве он оформил «сговорную» запись о женитьбе на «девице» Гликерии Григорьевне, дочери стольника Г. И. Полибина. Невеста была богатой: в качестве приданого будущий тесть обязывался передать Ивану Бахметеву «платья... и алмазных вещей» на внушительную сумму — три тысячи рублей, да еще 10 тысяч (!) рублей на покупку деревень⁵⁹¹. Являлся ли этот брак Ивана Ивановича единственным и сколько лет он продлился, установить к настоящему времени не удалось.

Благодаря сохранившемуся до наших дней архивному документу, содержащему запись устных показаний И. И. Бахметева от 23 декабря 1754 года о прохождении им государственной службы (в правовой терминологии XVII—XVIII веков такие записи назывались «сказками»), известно, что он был призван в армию в декабре 1703 года, явившись на смотр молодых дворян в село Преображенское — подмосковную резиденцию Петра I. Насколько возможно понять из «сказки» Ивана Ивановича, именно будущий император определил его рядовым в гвардии Семеновский полк⁵⁹². И очень скоро солдат Иван Бахметев оказался в самом пекле Великой Северной войны.

Как полвека спустя повествовал Иван Иванович, «в 704-м году при оном полку [Семеновском] был при отаке и взятъе и на штурме города Нарвы. В 705-м году в Литве, в Курляндии и при отаке, взятъе города Нитава [Митава]. В 706-м году в Гродне в осаде, в 707-м году на Вальыне [Волыни]. В 708-м году в Литве, где пожалован сержантом, и

был в разных партиях*. В том же 708-м году в августе был на акцы[и] под Добрым. В том же 708-м году в сентябре на Левенгоп[т]ской баталии[и]**, где дважды и ранен. И в том же году, по имянному... указу, пожалован в тот же полк прапорщиком»⁵⁹³.

Далее гвардии прапорщик Иван Бахметев принял участие в Полтавской битве, в осаде и взятии Выборга, в Прутском походе 1711 года. После выхода российской группировки из «прутского котла» И. И. Бахметев был произведен в подпоручики, а в 1712 году — в поручики.

В последующее пятилетие И. И. Бахметеву довелось вновь в рядах Семеновского полка ежегодно участвовать в боевых действиях. С 1714 года основная часть полка (в составе которой был и Иван Бахметев) стала регулярно направляться для несения боевой службы на галерах Балтийского флота (то есть по существу семеновцы оказались временно превращены в морскую пехоту). В частности, находясь на галере, Иван Иванович принял участие в морском сражении в Рилакс-фиорде у полуострова Гангут 27 июля 1714 года.

В сентябре 1717 года после двухлетней зарубежной кампании галерная флотилия возвратилась в Ревель, высадив гвардейцев на берег. 27 октября частично переформированные подразделения Семеновского полка двинулись на зимние квартиры в Псков⁵⁹⁴. Однако добраться до Пскова той осенью Ивану Бахметеву оказалось не суждено.

11 ноября состоявший при Петре I генерал-лейтенант князь В. В. Долгоруков направил командиру Семеновского полка князю П. М. Голицыну царский указ о его немедленном прибытии в Санкт-Петербург. Вместе с полковым командиром в новую столицу предписывалось командировать еще семерых офицеров-семеновцев, среди которых значился и «порутчик Иван Бахметев»⁵⁹⁵.

Внешне обычный вызов в Санкт-Петербург явился прологом к изрядным переменам в жизни упомянутых в письме гвардейцев. Для начала собранные гвардейцы (помимо семеновцев туда были направлены еще восемь офицеров Преображенского полка), по всей очевидности, образовали уже не раз упоминавшееся военно-судебное присутствие, перед которым предстал глава первой следственной канцелярии в истории России майор Семеновского полка князь

* То есть в разведывательных поисках.

** Имеется в виду знаменитое сражение 28 сентября 1708 года со шведским корпусом генерала А. Л. Левенгаупта при деревне Лесной.

М. И. Волконский, обвиненный в совершении преступлений против интересов службы. Однако, вызывая в столицу группу лично известных ему «от гвардии штап- и обор-афицеров», Петр I не собирался ограничиваться проведением судебного процесса над Михаилом Волконским.

Как уже отмечалось, в это время будущий император приступил к выработке проекта о реорганизации специализированных органов следствия, решив создать целостную систему канцелярий, нормативной основой для деятельности которых должен был стать особый типовой «Наказ».

По всей вероятности, в конце ноября — начале декабря 1717 года царь подготовил два ключевых документа: предварительную роспись следственного состава новых следственных канцелярий (с реестром подлежащих расследованию резонансных уголовных дел)⁵⁹⁶ и черновой проект того самого типового «Наказа» их руководителям⁵⁹⁷. Объявление об учреждении новых семи канцелярий, вскоре названных царем «майорскими», и обнародование «Наказа» состоялось в Санкт-Петербурге 9 декабря 1717 года — в день описанной выше публичной казни Михаила Волконского.

Что касается гвардии поручика И. И. Бахметева, то он изначально оказался определен ассессором (младшим сотрудником коллегиального следственного присутствия) в канцелярию, презусом которой стал его многолетний старший однополчанин майор И. И. Дмитриев-Мамонов. Как уже говорилось, канцелярия Ивана Дмитриева-Мамонова получила в производство подборку уголовных дел, возбужденных фискальской службой России в отношении сенатора князя Я. Ф. Долгорукова, сенатора П. М. Апраксина, главы Мундирной канцелярии М. А. Головина и сибирского губернатора князя М. П. Гагарина.

Помимо Ивана Бахметева ассессорами в канцелярию были определены капитан Семеновского полка И. М. Лихарев и капитан-поручик Преображенского полка Е. И. Пашков (о нем еще пойдет речь). В 1718 году ассессором канцелярии дополнительно был определен капитан-поручик Семеновского полка А. Г. Шамордин. Таким образом, попав в следственную канцелярию, Иван Иванович оказался в привычной ему среде давних сослуживцев-семеновцев.

В полной мере представить следственную деятельность И. И. Бахметева к настоящему времени не удалось. С одной стороны, как известно, архив канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова сгорел при пожаре в Московском кремле 29 мая 1737 года, с другой — сам Иван Иванович, повествуя

об этих событиях в декабре 1754 года, ограничился более чем лаконичной фразой: «...по имянному... указу определен к следственным делам в канцелярию с мазором Дмитриевым-Мамоновым»⁵⁹⁸.

Вместе с тем, как уже не раз упоминалось, крупнейшим из уголовных дел, находившихся в производстве канцелярии Ивана Дмитриева-Мамонова, было так называемое «сибирское», фигурантами которого, помимо М. П. Гагарина, стала большая группа сибирских администраторов, и уже в 1719 году в правительственном делопроизводстве канцелярию все чаще именовали «Сибирской».

В числе иных гвардейских офицеров И. И. Бахметев был включен в состав специального судебного присутствия, учрежденного для рассмотрения дела отрекшегося от прав на престол царевича Алексея Петровича. На приговоре царевича к смертной казни⁵⁹⁹ подпись гвардии поручика Ивана Бахметева стоит 85-й по счету.

Следует отметить, что работа в следственной канцелярии не освободила И. И. Бахметева, как и других ассессоров и презусов, ни от прежних строевых обязанностей, ни от участия в боевых действиях. В 1718 и 1721 годах Ивану Ивановичу довелось принять участие в последних за Великую Северную войну «походах на галерах» — в десантных операциях непосредственно на побережье Швеции. За эти годы он успешно продвинулся в чинах: в 1719 году стал капитан-поручиком, а 1 января 1721-го — капитаном, командиром 4-й роты Семеновского полка⁶⁰⁰.

Как бы то ни было, не вызывает сомнений, что И. И. Бахметев внес посильный вклад в расследование «сибирского дела». Свообразным эпилогом чего стало описанное выше исполнение им в ноябре 1721 года именного указа о перевешивании на цепь останков казненного Матвея Гагарина.

По причудливому изгибу судьбы, всего двумя месяцами ранее, в сентябре 1721 года, были взяты под стражу и отправлены в Санкт-Петербург родной дядя Ивана Бахметева, упоминавшийся саратовский комендант Дмитрий Ефремович, и его сын майор И. Д. Бахметев, обвиненные губернатором Артемием Волынским в «многих воровствах»⁶⁰¹. Несмотря на то что оба они были приговорены к выплате значительного штрафа, эта история никак не повлияла на карьеру гвардии капитана И. И. Бахметева.

В следственной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова Иван Бахметев проработал до самой ее ликвидации в 1723 году. Насколько возможно судить по сохранившимся

фрагментам делопроизводства канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова, последним документом, который подписал Иван Бахметев, явилось уже упоминавшееся постановление канцелярии от 9 декабря 1723 года о посмертном повешении тела бывшего томского коменданта Р. А. Траханиотова⁶⁰², приговоренного к смертной казни Нижним воинским судом и скоропостижно скончавшегося до приведения приговора в исполнение.

Однако место асессора следственной канцелярии И. И. Бахметев сменил первоначально на иную следственную должность. Дело в том, что в начале января 1723 года, вернувшись в Москву из Персидского похода, Петр I занялся подготовкой судебного разбирательства обвинений, выдвинутых друг против друга обер-прокурором Сената генерал-майором Г. Г. Скорняковым-Писаревым (о нем еще пойдет речь) и вице-президентом Коллегии иностранных дел сенатором бароном П. П. Шафировым.

В рамках этой подготовки император запросил список гвардейских офицеров, находившихся в тот момент в бывшей столице, предполагая выбрать из них судей для будущего специального судебного присутствия. В представленном 8 января списке Петр I собственноручно отметил семь фамилий, включая И. И. Бахметева⁶⁰³. И хотя в составе судебного присутствия, сформированного 9 января, Ивана Ивановича не оказалось (как и отмеченного в том же списке И. Е. Пашкова)⁶⁰⁴, очень скоро он был привлечен к его деятельности.

17 января император распорядился назначить гвардии капитанов И. И. Бахметева и А. Г. Шамордина «особливыми асессорами» для расследования выделенного в отдельное производство дела «о расходе парижемском»⁶⁰⁵, по которому П. П. Шафиров обвинялся в хищении казенной валюты в период сопровождения царя в зарубежном путешествии 1716—1717 годов. Иными словами, Иван Бахметев был назначен следователем судебного присутствия (очень скоро преобразованного в постоянно функционировавший Вышний суд). В этом отношении Ивана Ивановича (как и Авраама Шамордина) следует признать первым судебным следователем в истории государства и права России.

Оказавшийся в январе 1723 года в статусе подсудимого барон Петр Шафиров (1673—1739) неоспоримо являлся одним из наиболее выдающихся сподвижников Петра Великого. Сын холопа, Петр Павлович начал трудовой путь со скромной должности переводчика и впоследствии сумел

стать одним из руководителей дипломатического ведомства России. Именно П. П. Шафиров сыграл ключевую роль в заключении 12 июля 1711 года Прутского мирного договора с Турцией, благодаря которому российская армия сумела благополучно эвакуироваться из опаснейшего «прутского котла», в котором рисковал сложить голову и гвардии прапорщик И. И. Бахметев.

Однако все заслуги Петра Шафирова никак не отменяли серьезных подозрений в совершении им череды криминальных деяний. Сложность предстоящего Ивану Бахметеву и Аврааму Шамордину расследования заключалась в том, что по делу отсутствовали какие-либо улики, в частности соответствующие приходо-расходные документы.

Неудивительно, что дело по обвинению П. П. Шафирова в казнокрадстве, выдвинутому секретарем Федором Протопоповым, разбиралось Юстиц-коллегией и закончилось тем, что последний в декабре 1720 года был осужден на пожизненную ссылку на галеры — за «неправый донос»⁶⁰⁶. В довершение всего 15 января 1723 года П. П. Шафиров подал императору повинную челобитную, в которой признал два эпизода из выдвинутых против него обвинений, но ни словом не упомянул о хищении казенной валюты⁶⁰⁷.

Как бы то ни было, 13 февраля 1723 года Вышний суд, сочтя доказанными два эпизода превышения П. П. Шафировым должностных полномочий и эпизод служебного подлога, приговорил его к лишению чинов, орденов, конфискации имущества и смертной казни⁶⁰⁸. Приведение приговора в исполнение было назначено на 15 февраля, местом публичной «экзекуции» была определена площадь у здания Московской конторы Сената в Кремле⁶⁰⁹.

Завершение судебного процесса привело, однако, к неожиданному повороту в деле о «парижском расходе». Вечером 14 февраля осужденный Петр Шафиров, попросив доставить его на допрос к И. И. Бахметеву и А. Г. Шамордину, признался в присвоении «по слабости своей» казенных валютных средств в сумме 2475 ливров и 63 золотых⁶¹⁰.

Знакомившийся с материалами судебного дела П. П. Шафирова и Г. Г. Скорнякова-Писарева в конце 1850-х годов и опубликовавший их в виде детального пересказа управляющий Московским архивом Министерства юстиции действительный статский советник П. И. Иванов предположил, что Петр Шафиров признался в эпизоде, не вошедшем в приговор, «готовясь предстать пред суд более

страшного Судьи», иными словами, по религиозным мотивам⁶¹¹. Подобное предположение, думается, не лишено оснований. Как бы то ни было, при всей конечной неясности мотивов, побудивших Петра Павловича к запоздалому чистосердечному признанию, картина с эпизодом хищения казны вполне прояснилась.

Прояснилась также и причина отсутствия соответствующих финансовых документов: П. П. Шафиров поведал Ивану Бахметеву и Аврааму Шамордину, что отследил передвижение по почте пакета со своими расписками в приеме казенных денег. Приказав затем почтмейстеру доставить пакет к себе на дом, вице-президент Коллегии иностранных дел Петр Шафиров собственноручно вскрыл его, извлек и сжег расписки, а затем зашил и отправил обратно к почтмейстеру⁶¹².

Следователем, а затем и судьей Вышнего суда гвардии капитан И. И. Бахметев проработал до 1725 года, почти до времени его закрытия. Остается добавить, что дело о «неправой записке парижского росходу» так и не дошло до приговора. Числившееся в производстве Вышнего суда, это дело было при ликвидации суда в марте 1726 года отослано в Сенат⁶¹³, где о нем окончательно забыли. Что касается П. П. Шафирова, то, будучи помилован Петром I (несомненно, в память о заслугах при Пруте), он был освобожден из-под стражи сразу после смерти первого российского императора указом от 30 января 1725 года благоволившей к нему Екатерины I⁶¹⁴.

А Ивана Бахметева впереди ожидала еще долгая и успешная военная и правительственная карьера. В 1726 году он расстался с Семеновским полком, став «полевым» полковником, командиром Астраханского пехотного полка. В январе 1733 года был произведен в генерал-майоры⁶¹⁵.

Впрочем, ровно через девять лет после ликвидации «майорской» канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова Иван Иванович вновь был призван, хотя и ненадолго, на следственное поприще. Причем одновременно еще с одним бывшим ассессором упомянутой канцелярии — А. Г. Шамординым. По именному указу от 8 декабря 1732 года командир Астраханского полка И. И. Бахметев и командир Ингерманландского пехотного полка полковник А. Г. Шамордин были направлены из Санкт-Петербурга для расследования злоупотреблений воевод и иных должностных лиц местной администрации: Иван Бахметев — в Великие Луки, Авраам Шамордин — в Торопец⁶¹⁶.

В инструкции, подписанной императрицей Анной Иоанновной и врученной И. И. Бахметеву «того ж декабря 8 дня 1732 году в вечеру», грозно возглашалось: «Известно нам [императрице] учинилось, что на Великих Луках... и всей той провинции при прежних бывших там комендантах, воеводах, ландратах... чинились многия преступления, похищения и упущения и прочие непорядки, противные указам, регламентам и нашему* интересу и к тягости и озлоблению наших верных подданных, которые еще... и донныне продолжаютя...»⁶¹⁷

В ходе следственных действий И. И. Бахметеву предписывалось (вполне в духе Наказа «майорским» канцеляриям) «во всем поступать, как честному и верному офицеру и как ревностному судье... надлежит, не маня никому, ниже посягая на кого. И ничего того, что до нашего высокого интереса касаться и принадлежать будет, ни малейшего отнюдь не упустить, как о том дать ответ пред богом и пред судом»⁶¹⁸. Разве что о судьбе расстрелянного Михаила Волконского в инструкции не упоминалось.

Увы, о ходе и итогах великолукской миссии полковника Ивана Бахметева никаких подробностей выявить к настоящему времени не удалось. Известно лишь, что в сентябре 1734 года производство дальнейшего расследования в Великих Луках было передано гвардии секунд-майору Петру Воейкову⁶¹⁹. Что касается Ивана Ивановича, то он еще в мае был высочайше командирован на театр военных действий, на этот раз в Польшу⁶²⁰.

В Польше в 1734—1735 годах генерал-майор И. И. Бахметев участвовал в боевых действиях в поддержку русского ставленника Августа III. Затем воевал на Русско-турецкой войне 1735—1739 годов. При штурме крепости Очаков** в июле 1737 года получил два ранения, а затем был назначен обер-комендантом захваченной крепости. Остается надеяться, что эти страницы боевой биографии Ивана Ивановича еще будут освещены историками.

2 марта 1740 года Иван Иванович Бахметев был назначен сенатором⁶²¹, в ноябре — произведен в генерал-лейтенанты, а 14 августа 1741 года пожалован в кавалеры ордена Святого Александра Невского⁶²². Успел он поучаствовать и в боевых действиях в Финляндии в русско-шведскую войну 1741—1743 годов.

* То есть государственному.

** Ныне город, административный центр одноименного района Николаевской области Украины.

Окончательный переход Ивана Ивановича на государственную гражданскую службу состоялся 3 сентября 1753 года, когда императрица Елизавета Петровна произвела его в действительные тайные советники (II класс Табели о рангах, соответствовал генерал-аншефу в армии). Двух сыновей-погодков — Николая, родившегося в 1730 году, и Григория — Иван Бахметев отдал в 1752 году на службу в «родной» Семеновский полк⁶²³.

Ветеран четырех войн, четырежды раненный, сенатор и кавалер И. И. Бахметев скончался в Москве 2 октября 1760 года, пробыв на государственной службе 57 лет. Однако с его погребением возникла несколько загадочная ситуация. Дело в том, что родовым местом захоронения Бахметевых являлось кладбище Донского монастыря⁶²⁴. Однако 5 октября 1760 года Иван Бахметев был торжественно, с воинскими почестями погребен не на монастырском кладбище, а в церкви Флора и Лавра близ Мясницких ворот⁶²⁵.

В подобной ситуации представляется возможным лишь предположить, что место упокоения было избрано самим Иваном Ивановичем в связи с тем, что именно в церкви Флора и Лавра были похоронены И. И. Дмитриев-Мамонов и его младший брат, гвардии капитан Иван Ильич, — его многолетние сослуживцы по Семеновскому полку и, возможно, дружески близкие ему люди. Достигший возраста 77 (или 76) лет Иван Бахметев стал одним из последних следователей «майорских» канцелярий Петра I.

Стоит повторно упомянуть, что в 1934 году при прокладке Сокольнической линии Московского метрополитена церковь Флора и Лавра была снесена, а находившиеся в ней захоронения уничтожены. В настоящее время на месте церкви находится заасфальтированная площадка, примыкающая к станции метро «Чистые пруды».